

моменты в жизни одного и того же по существу памятника¹. Присоединяясь к этому выводу, можно сказать даже больше: они не только разнятся между собой, но и в пределах отдельных списков есть противоречия, указывающие на испорченность текста. Возьмем для примера список первой редакции, напечатанный В. П. Адриановой-Перетц.² „Судный список“ начинается со слов: „Суд судил большей боярин и воевода Осетр, окольников был Сом с большим усом“. Таким образом, перед нами провинциальный суд, производившийся воеводой и его „товарищем“. Вслед за этим помещена челобитная Леща: „Господам моим новгородским судьям Осетру да Белуге, да Белой рыбице бьет челом“ и т. д. Как следует понимать это выражение: „новгородским судьям“? Повидимому, под ним надо подразумевать судий Новгородского приказа или, иначе, Новгородской четверти — центрального учреждения, ведавшего территорией, принадлежавшей прежде Великому Новгороду. Если так, то непонятно, почему выше шла речь о воеводском суде и почему, обращаясь к судьям, челобитчик называет их „господа“, тогда как челобитные, подававшиеся в приказ, всегда писались на имя царя („государю, царю и великому князю... бьет челом“ и т. д.). Объяснить это можно только тем, что эпитет „новгородские“ появился позднее, под пером переписчика, имевшего какое-то отношение к Новгороду Великому. Встретив в тексте термин „судьи“, под которым во второй редакции³ подразумеваются земские судьи в соответствии с остальной номенклатурой земских властей, он решил исправить непонятное для него выражение вставкой слова „новгородские“.

Переписывая „Повесть“ дальше и дойдя до места, где говорилось о вызове „общей правды“⁴ — рыбы Ладоги, которая живет в Новгородской области, в Ладожском озере, он и здесь решил пополнить текст знакомыми географическими названиями и заменил Ладожское озеро „рекою Наровою“⁵ в Немецкой области“. Вот как можно объяснить то противоречие, что дело, происходившее в Ростове, разбиралось в Новгородском приказе. Надо добавить, что даже если бы судебное разбирательство дошло до центра, то и в этом случае оно производилось бы не в Новгородском приказе, так как Ростов был в ведении Галицкой четверти.⁶

Другое противоречие находим в определении социального положения тяжущихся сторон. В челобитной Лещ называет себя „сынчишко боярской“, „кормовой сынчишко боярской“, что противоречит другим редакциям, в которых он предстает перед нами в качестве крестьянина. В. П. Адрианова-Перетц делает из этого противоречия определенные выводы: „Другая группа читателей, выдвигающая на первый план мысль о несправедливости тяжбы, делает Леща «крестьянином ростовского уезду», а его обидчика, ерша выводит из рода «детешек боярских мелких бояр»“.⁷ Между тем, изменение в определении социальной принадлежности одной из тяжущихся сторон является очевидной ошиб-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 129.

² Там же, стр. 147—150.

³ О том, что вторая редакция старше первой, см. ниже.

⁴ „Общая правда“ или „общая ссылка“ — остаток третейского решения споров сторон на суде — ссылка обеих сторон на одного и того же послуха, имевшая безусловное значение в судебном процессе XVI века.

⁵ т. е. Наровою.

⁶ См.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 623.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 131; ср. стр. 137.